

Дамье Вадим. "Вы нас с кем-то спутали..."

Аргентинские анархисты и Российская революция 1917 года

2017, источник: [здесь](#). Опубликовано в книге *Левая альтернатива в Латинской Америке*. М.: Аквилон; ИВИ РАН, 2016. С.80-99.

Революция 1917 г. в России произвела колоссальное впечатление на анархистские и синдикалистские движения и организации по всему миру. Активист Аргентинской региональной рабочей федерации (ФОРА), крупнейшего профобъединения, которое стояло на анархистских позициях, В. Аладино позднее вспоминал: "... победивший в России большевизм смог до такой степени повлиять на рабочую и революционную среду всех стран, что в результате стало материально невозможно делать что-либо независимо от русского феномена. Чтобы понять это, нам достаточно напомнить о том, что организации, до тех пор остававшиеся верными принципам, которые Бакунин отстаивал в споре с Марксом, и другие,

принявшие синдикалистскую концепцию Пуже и Пеллутье и подписавшиеся под Амьенской хартией, настолько пострадали от влияния, исходившего из Москвы и пронизавшего все умы, что сочли для себя приемлемым вступить в Коммунистический Интернационал. Так произошло с Национальной конфедерацией труда Испании, Итальянским синдикальным союзом и фракцией меньшинства во французском синдикализме...". Чувства солидарности с революцией в России (которая отождествлялась с большевизмом) и "симпатии, которые вызывали такие идеи "совета", "диктатуры пролетариата", "коммунистического государства" и т.д., облегчили большевикам их намерения..." (1).

Информация о революционных событиях в России стала докатываться до Южной Америки на фоне общей ситуации, которая складывалась под воздействием Первой мировой войны на этот континент, удаленный от главных театров боевых действий. Война оказала неоднозначное влияние на южноамериканские страны. Большинство из них сохраняли официальный нейтралитет; Бразилия формально выступила против Германии, но реально в боевых действиях не участвовала. Потребности рынка воюющей Европы в сырье и продовольствии, отрезанность от поставок из Европы – все это способствовало развитию промышленности государств Южной Америки, строительству новых фабрик, увеличению числа наемных работников. Но экономический бум и увеличение прибылей предпринимателей не сопровождалось подлинным ростом уровня жизни трудящихся. Они все больше страдали от стремительно разворачивавшейся инфляции, волны всеобщего подорожания товаров и услуг, расцвета спекуляции. Рабочих становилось все больше, они все явственнее ощущали свою силу, а положение их ухудшалось. В годы войны по многим странам континента прокатились волны массовых протестов и забастовок против роста цен на основные продукты и товары. Эти социальные движения сопровождалось усилением радикальных настроений, распространением анархистских взглядов и революционно-синдикалистских методов действий.

Рабочее движение на континенте в те годы было весьма пестрым в идейном отношении. «...Сохраняли свое влияние анархизм и анархо-синдикализм, агитировали социалисты, воспитанные в духе авторитетов II Интернационала, делал первые шаги национал-реформизм, питавший трудящийся люд надеждами на защиту народных интересов всевластными президентами и диктаторами» (2). Мексиканская революция 1910-1917 гг. и начавшаяся в 1917 г. революция в России усиливали бунтарские настроения. В 1918-1923 гг. практически вся Латинская Америка переживала бурный социально-революционный подъем. Анархисты шли в первых его рядах. Они занимали ведущие позиции в рабочем и профсоюзном движении в Аргентине (несмотря на откол в 1915 г. от ФОРА синдикалистско-социалистического профцентра "ФОРА IX конгресса) (3), Бразилии (где под их влиянием находилось большинство профсоюзов Бразильской рабочей конфедерации) (4) и Уругвае (5). Существенным влиянием пользовались анархисты также в Чили (6), Перу (7), Боливии (8), Парагвае (9), Эквадоре (10).

Многие анархисты Южной Америки были очарованы Русской революцией не меньше, чем их товарищи в Европе – точнее, даже больше, в силу географической удаленности и отсутствия достоверной информации. Тем сильнее оказывался соблазн воспринять заявления и действия большевиков не как то, чем они были в реальности, не как установление нового авторитарного режима, но как нечто, соответствовавшее желаемому – как решительный

шаг на пути к установлению справедливого и безгосударственного строя анархистского коммунизма. Немало число либертарииев на континенте эволюционировало к "анархо-большевизму", а затем и просто к большевизму. Отношение к "российскому опыту" глубоко раскололо латиноамериканский анархизм и поставило его перед решающим выбором. В этой статье мы попытаемся рассказать о том, как реагировали анархисты Аргентины на большевистский соблазн.

* * *

Ко времени окончания Первой мировой войны Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА), несмотря на раскол 1915 г., отделивший от нее сторонников объединения с социалистическими профсоюзами и "чистых" синдикалистов (ФОРА–IX), оставалась наиболее значительной организацией в рабочем движении страны и одним из самых влиятельных профцентров Латинской Америки. Она пришла в мировое анархо-синдикалистское движение собственным путем, отличным от европейского революционного синдикализма. Провозгласив в 1905 г. на V конгрессе своей целью «анархистский коммунизм», ФОРА считала себя продолжателем линии бакунистского крыла Первого Интернационала. Аргентинский исследователь Антонио Лопес отмечает явные черты сходства в содержании и даже в терминологии между резолюциями конгресса антиавторитарного Интернационала в Сент-Имье (1872 г.) и документами его испанской секции, с одной стороны, и основополагающими документами ФОРА («Пактом солидарности», «Организационной системой» и «Декларацией принципов»), с другой (11). ФОРА не испытала на себе непосредственного влияния французского революционного синдикализма и продолжала именовать свои рабочие союзы не синдикатами, а традиционным термином "общества сопротивления". В организационном отношении ФОРА представляла собой федеративное объединение таких рабочих обществ, созданных преимущественно на профессиональной основе и связанных узами солидарности и взаимопомощи. Ее «центральный» орган – Федеральный совет, согласно утвержденной системе, должен был быть всего лишь центром связи и посредником между ними.

В отличие от европейских революционно-синдикалистских профсоюзов, ФОРА была одновременно организацией профсоюзной и идейно-анархистской. Она вела борьбу теми же методами "прямого действия", что и революционный синдикализм (стачки, бойкот, саботаж и т.д.), но отвергала идейную нейтральность, выдвигая вместо этого недвусмысленно сформулированную анархо-коммунистическую цель. ФОРА была анархистским рабочим движением. Таким образом, она задолго до европейского анархо-синдикализма (и гораздо более последовательно) следовала принципу: анархизм – это цель, синдикализм – средство его достижения. ФОРА, как она себя понимала, – "это ни анархистская «партия», ни синдикалистская организация..., она – конкретизация наших идей и наших надежд, принесенных в рабочее движение и поставленных на службу полному освобождению пролетариата..., движение угнетенных и эксплуатируемых, которое отвергает угнетение и эксплуатацию человека человеком, самая широкая человеческая концепция, которая только может существовать" (12). Теоретики ФОРА представляли себе будущее общество без централизованной экономики и огромных индустриальных предприятий, без государства и классов, без денег. Все это следовало не передать в руки синдикатов, а сломать. Такой

подход соответствовало основным положениям анархо-коммунизма, как они были сформулированы Кропоткиным. «Позитив» ФОРА высказывала в самой общей форме: автономные коммуны свободных людей и их ассоциации были для нее "элементарным принципом" ее идеологии, основой реорганизации общества, "подлинными ячейками социального организма" (13).

Революция в России и последовавший за ней революционный подъем в мире, вспоминал Д. Абад де Сантильян, бывший до 1930 г. одним из теоретиков ФОРА, встретили "живой отклик в Аргентине, и всё это превратило ФОРА V конгресса в центр притяжения больших масс [трудящихся]. Русская революция и окончание войны пробудили здесь организационную лихорадку; на протяжении нескольких месяцев поднялись профсоюзы с тысячами и тысячами членов; рост был чрезвычайно быстрым, и [движение] оказалось неподготовленным к такому стремительному притоку" (14).

Газета "Ла Протеста", которая фактически являлась главным изданием анархистского движения и неформальным органом ФОРА, приветствовала революцию в России как продолжение и триумф долгой традиции всемирного движения за свободу, отмечая, что "полный разгром государственного режима самим же правительством" открывает новые перспективы для анархизма. Она стала "последним краем тропы, проложенной эпохой жестокости и преступлений", началом новой эры во всем мире, когда люди смогут построить новое, свободное общество, как начало мировой революции (15). Видя в событиях в России то, что они хотели увидеть, авторы "Ла Протеста" пытались по-своему истолковать и большевистскую "диктатуру пролетариата". "Диктатура пролетариата, первое следствие социальной революции, инструмент прогресса, который применяют народы для разрушения всех общественных анахронизмов и который послужит основой для организации, строящейся на гуманном принципе свободного производства и вольного коммунизма", - писала газета 5 марта 1919 г. (16) Такая диктатура необходима для разрушения сопротивления угнетательских классов и преодоления консервативного духа среди части трудящихся. Иными словами, "диктатура пролетариата" истолковывалась не как политический правительственный режим, но как непосредственное революционное насилие со стороны трудящихся в ходе самого социального переворота.

Для анархистского движения Аргентины 1919-й и последующие годы были временем тяжелых и острых конфликтов с властью. В январе 1919 г. расстрел гвардейцами рабочих бастовавшей в Буэнос-Айресе металлургической фабрики "Васена", которые добивались сокращения рабочего дня, привел к организованной ФОРА всеобщей забастовке и баррикадным боям в столице страны. В ходе этих событий, получивших название "Трагической недели", погибло от 700 до 1400 человек, 5 тысяч были ранены, 55 тысяч арестованы (17). Репрессии затронули и провинции страны. Так, в период "Трагической недели" в Кордове были арестованы и подверглись пыткам и избиениям свыше 600 активистов различных рабочих и политических организаций (18). Удар, испытанный рабочим движением, был жестоким. Помещения и бюро ФОРА были закрыты, типографии захвачены войсками, собрания и митинги запрещены, множество людей подверглись арестам и депортациям. Анархистские газеты вынуждены были на несколько месяцев закрыться. Однако движение быстро восстановило и даже умножило свои ряды и влияние. За послевоенные годы тираж "Ла Протеста" увеличился в два, а затем в три раза; появились

новые анархистские и синдикалистские издания. Работа анархистов не ограничивалась районом столицы, но ощущалось и в провинции. Так, в Кордове они в 1918-1919 гг. расширили свою деятельность и укрепили свое влияние в местных рабочих союзах (19). Острота социального противостояния и репрессии не способствовали прояснению позиции анархистов по отношению к событиям, происходившим в далекой России.

Тем не менее, по мере того, как информации о Русской революции становилось все больше, среди анархистов Аргентины стали раздаваться первые критические голоса. Стимулом к пересмотру прежней позиции стала и деятельность созданной в 1918 г. в Аргентине Интернациональной социалистической партии (впоследствии – Коммунистической партии Аргентины): она служила напоминанием о партийном и государственническом характере большевизма.

Известный анархист Теодоро Антилъи уже в 1919 г. выступил с развернутой статьей "Коммунизм и анархия", в которой указывал на то, что большевики отнюдь не заменяют партии и политические институты власти вольными Советами, но заменяют буржуазный режим другим, государственническим. Он и другие авторы газеты "Трибуна пролетария" оценивали большевизм как продолжение этатистской социал-демократии, с ее концепцией "переходного государства" и сотрудничеством с буржуазией, и заявляли, что он отнюдь не является переходным шагом к свободе и может быть устранен лишь новой революцией. Большевистский, марксистский коммунизм не имеет ничего общего с анархистским коммунизмом, поскольку марксизм "всегда мечтает о централизации и диктатуре ради утверждения в такой форме коллективистского государства". Соответственно, "диктатура пролетариата" есть, по сути, диктатура большевистских вождей над пролетариатом, а Советы – отнюдь не революционный комитет, а инструмент демократии, орудие партии (20).

На противоположном фланге сложилось течение "анархо-большевиков", издававшее газету "Ла Бандера роха" ("Красное знамя"). Ее тираж быстро вырос до 20 тыс. экземпляров. Как отмечает исследователь Р. Питталуга, это направление стремилось извлечь свои уроки из российского опыта и заимствовать его, не только переформулировав политико-теоретические принципы анархизма, но и внося изменения в политическую практику. "... Анархо-большевики увидели в Русской революции подтверждение и легитимацию – помимо новых теоретико-практических элементов – для реализации практики, имеющей более открытую классовую ориентацию, чем имел до тех пор анархизм на Ла-Плате, и это вело их к большей централизации конфликтов вокруг контроля над процессом труда, к стремлению добиться единства рабочего движения и создать особую политическую организацию анархизма..." (21). Такая организация (по существу, политическая партия) могла бы, по их мысли, оказывать решающее влияние на объединенное рабочее движение, в котором объединились бы анархистская ФОРА и синдикалистская ФОРА-IX.

Для достижения своих целей аргентинские "анархо-большевики" воспользовались тем, что репрессии способствовали росту духа примирения и сближения между сторонниками различных направлений в рабочем движении. Примером такой тяги может служить ситуация в провинции Кордова. Там профсоюзы различной идейной ориентации собрались в апреле 1919 г. по инициативе местного рабочего союза на провинциальный рабочий конгресс. На нем была создана провинциальная рабочая федерация, в руководство которой

вошли анархисты, коммунисты, социалисты и беспартийные. Провинциальный профцентр постановил сохранять автономию перед лицом раскола движения в общенациональном масштабе, но поддерживал контакты как с ФОРА, так и с ФОРА-IX и объявлял о своей приверженности борьбе против буржуазии, в защиту интересов рабочего класса. Конгресс принял также резолюцию приветствия в адрес русской революции. К июню 1920 г. в Кордовскую федерацию входило 80 профсоюзов (22).

Опираясь на тенденции к объединению, "анархо-большевики" добились в конце 1919 г. в ходе обновления состава Федерального совета ФОРА избрания секретарем организации Антонио Гонсальвеса, а его заместителем – Себастьяна Феррера. Оба они питали симпатии к идее "диктатуре пролетариата", способствовали продвижению на посты в организации своих людей и выступали за сотрудничество с кругами, близкими к изданию "Ла Бандера роха". В качестве первого шага были организованы совместные выступления за возвращение сосланных в Ушуайю редакторов этого издания. В марте 1920 г. состоялась всеобщая стачка за освобождение политических заключенных. Ее подготовка сопровождалась ажиотажем, угрозами взрывов бомб в столице и многочисленными арестами. Более "традиционалистские" анархисты в ФОРА и редакция "Ла Протеста" отнеслись к планам стачки с недоверием и опасались подчинения движения политическим целям. Однако, несмотря на то, что дискуссии еще не были завершены, новый Федеральный совет ФОРА провозгласил всеобщую забастовку. Плохо подготовленная, она закончилась полным провалом. Все бомбы были конфискованы полицией, а активисты, занимавшиеся подготовкой стачки, – арестованы. Через несколько месяцев обнаружилось, что за этими событиями стояла провокация полиции, агентом которой выступал Хуан Портас (23).

В конце сентября – начале октября 1920 г. в Буэнос-Айресе собрался чрезвычайный конгресс ФОРА, именовавшейся теперь «Коммунистическая ФОРА». В нем приняли участие представители 400 организаций, входивших в Федерацию, 56 автономных союзов и 192 организаций, разделявших принципы ФОРА. В ходе дискуссий некоторые высказывали симпатии к "диктатуре пролетариата", но эта позиция была отвергнута. После долгих дебатов абсолютное большинство участников подтвердило решение V конгресса ФОРА 1905 г., которое рекомендовало в качестве цели организации "анархистский коммунизм" (24). В то же время, к эмблеме ФОРА – рукопожатию – были добавлены символы Русской революции – серп и молот.

В центре обсуждения на конгрессе оказался вопрос о единстве рабочего движения. Прежде всего, участники высказались в поддержку "восстановления Революционного синдикального Интернационала" как "продолжения Первого Интернационала" и поручили Федеральному совету ФОРА предпринять необходимые действия в этой связи. Пока такое международное объединение родственных рабочих федераций еще не создано, указывалось в решении конгресса, необходимо оказывать поддержку любым акциям бойкота, кампаниям поддержки заключенных и международным стачкам, либертарным по духу и идущим на пользу "революционной рабочей фракции". Получила поддержку также идея проведения съезда синдикалистских организаций Южной Америки. Делегаты предоставили Федеральному совету полномочия созвать такой форум в подходящее время.

Конгресс высказался за установление "сердечных отношений" со всеми профсоюзными организациями страны, носящими "действительно революционный характер". Это должно было обеспечить эффективную солидарность в ходе рабочей борьбы против капитала и государства. Делегаты подчеркнули при этом, что речь может идти только о поддержке "синдикальной практики", свободной от легалистских и политических моментов (25).

Сторонники "анархо-большевизма" и ряд профсоюзов добивались объединения с синдикалистской ФОРА IX конгресса, которая отвергала анархо-коммунизм. Но в это вопросе они не добились успеха. Делегаты постановили, что "любое предложение об объединении со стороны синдикатов, групп автономных синдикатов и других организаций, представляющих различные профессии" будет рассматриваться лишь в том случае, если оно основано на принципах, не противоречащих "методам борьбы и социальной цели Коммунистической ФОРА". Если подобный проект выдвигался какой-либо организацией, входившей в состав ФОРА, Федеральный совет был обязан назначить референдум среди союзов Федерации. В случае одобрения этих предложений, они послужили бы основой для объединительного конгресса. Однако делегаты подчеркнули, что пока никаких ясных проектов на сей счет нет, обсуждать нечего и данную "идею следует полностью отвергнуть" (26).

В то же время, конгресс подтвердил, что различные фракции рабочего движения, независимо от их идейных разногласий, в определенных обстоятельствах могут заключать соглашение о совместных действиях. ФОРА-IX было предложено договориться о "Пролетарском согласии" в борьбе за освобождение заключенных участников социальных и рабочих выступлений, за отмену репрессивных законов, включая закон о проживании, за свободу рабочей и революционной печати и против любого наступления на организации трудящихся "со стороны капитализма, государства и любого другого консервативного института" (27).

Это последнее решение позволило "анархо-большевикам" и другим сторонникам объединения продолжить свои усилия в этом направлении, несмотря на растущее сопротивление со стороны анархистов, группировавшихся вокруг "Ла Протеста" и "Трибуна пролетария". В феврале 1921 г. представители ФОРА были приглашены на конгресс ФОРА-IX. Направленные в качестве наблюдателей Гонсальвес и Феррер самовольно предложили синдикалистам осуществить объединение обеих федераций. Конгресс ФОРА-IX принял это предложение, образовал комитет по объединению рабочих и пригласил ФОРА принять в нем участие. Анархистская рабочая организация оказалась в сложном положении. С одной стороны, ее секретарь действовал единолично, не имея никаких полномочий выступать с подобным предложением, и Федеральный совет в изданном им циркуляре осудил действия Гонсальвес. С другой, с учетом решений чрезвычайного конгресса, нельзя было просто отвергнуть участие в создаваемом комитете. Поэтому совет призвал синдикаты и организации ФОРА высказать свое мнение о возникшей ситуации (28).

Одновременно с попытками образовать "единый фронт" внутри страны, группа Гонсальвес и Феррера искала сближения с Советской Россией. Они – опять-таки самовольно – решили направить от имени ФОРА делегата на конгресс Профинтерна в Москве в июле 1921 г. (29) Представительство было возложено на активиста "Индустриальных рабочих мира" (ИРМ)

Тома Баркера. Родившийся в Британии, Баркер с 1909 г. работал в Новой Зеландии, вступил в ИРМ и социалистическую партию, в 1914 г. после преследований переехал в Австралию, где редактировал печатный орган ИРМ, "Дайрект экшн". Арестованный за антивоенные выступления, он был в 1918 г. выслан в Чили, а затем отправился в Буэнос-Айрес, где выступил одним из организаторов профсоюза моряков (30). В декабре 1920 г. Баркер уже представлял ФОРА на международной синдикалистской конференции в Берлине, где, по оценке историка У. Торпа, проявил "путаницу и утомленность" в теоретических вопросах. С одной стороны, он заявил, что ФОРА стоит на бакунистских позициях, ничего хорошего не ждет от государственного переворота, даже если тот именуется себя "пролетарским", и, по его мнению, лишь профессиональные, а не политические организации трудящихся могут служить основой для социальной революции. С другой, Баркер объявил себя марксистом в вопросах экономики, уточнил, что он "за Москву, но против государства", и призвал "покончить со всякими теориями" (31). Отправляя Баркера на конгресс Профинтерна, ФОРА выдала ему мандат, в соответствии с которым делегат не имел права принимать окончательное решение о вступлении в эту международную организацию, но должен был следовать цели ФОРА ("анархистскому коммунизму") и решениям конгресса Федерации 1920 г. Ему надлежало настаивать на автономии Профинтерна от Коминтерна, переводе его штаб-квартиры из Советской России и осуждении Амстердамского Интернационала, созданного профсоюзами, которые ориентировались на социал-демократию. Профинтерн, указывалось в инструкциях, данных делегату Федеральным советом, должен быть "создан на коммунистических, либертарных и революционных принципах, быть действительно антиполитическим и антигосударственным" (32). Однако Баркер нарушил эти инструкции: он голосовал против резолюции о связи между Коминтерном и Профинтерном, на которой настаивали большевики, но выразил свою личную поддержку Профинтерну (33).

Отношение к революции в России в ФОРА и среди большинства анархистов в Аргентине резко ухудшилось к середине 1921 г., когда в Южной Америке стали известны детали подавления Кронштадтского восстания и разгрома анархистского движения в России большевистской диктатурой. Большую роль в информировании аргентинских либертарианцев сыграли статьи и брошюры таких видных представителей международного движения, как немецкие анархо-синдикалист Рудольф Роккер и Аугустин Сухи, американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман и др. (34) Еще одним источником информации о положении в России служили сообщения русских анархистов, публиковавшиеся в выходившем с 1920 г. в Буэнос-Айресе журнале "Голос труда", органе Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, и распространявшиеся Рабочей издательской группой в Аргентине (35).

Еще одним фактором, который ослаблял позиции "анархо-большевиков", стала неудача в деле практического взаимодействия с ФОРА-IX в социальных конфликтах. Так, в 1921 г. ФОРА предложила синдикалистской ФОРА-IX совместно поддержать бастовавших рабочих Ла-Форесталь в Чако, в большинстве своем не принадлежащих ни к одной из федераций. В этой стачке в провинции Санта-Фе приняли участие около 20 тысяч трудящихся. Забастовщики подверглись нападению со стороны армии и полиции, что повлекло за собой человеческие жертвы. ФОРА призвала синдикалистов к совместной акции 5 апреля. Однако те ответили только 10 апреля, причем в весьма неопределенных тонах, что сорвало намеченное выступление. Забастовка во Флорестале была жестоко подавлена. Когда 1 мая 1921 г. в

столкновении с фашистами из "Патриотической лиги" в Гуалегайоу (провинция Энтре-Риос) был убит активист ФОРА-IX, а несколько сторонников организации ранены, анархистская ФОРА вновь предложила синдикалистам провести совместное выступление протеста 6 мая. Те ответили только 12 мая, пообещав "обсудить" вопрос. Тем временем, 26 мая 1921 г. фашистские группы внезапно напали на помещения проводившего стачку союза кочегаров и машинистов порта в Буэнос-Айресе, убили одного рабочего и нескольких ранили. Трудящиеся требовали ответить на это всеобщей забастовкой. Соблюдая решение чрезвычайного конгресса 1920 г., Федеральный совет ФОРА вновь предложил синдикалистам совместное выступление. В ходе переговоров между представителями обеих федераций была достигнута договоренность о создании совместного комитета по организации выступления. Но ФОРА-IX настаивала на предварительном проведении референдума среди профсоюзов по вопросу о забастовке, добивались соглашения с полицией и всеми силами тормозила акцию. Она направила "ноту" президенту страны, но тот не ответил на нее. Тогда 30 мая ФОРА решила объявить на следующий день всеобщую стачку самостоятельно. Однако в ходе подготовки полиция произвела аресты 180 рабочих, принадлежащих к различным направлениям; среди них были делегаты от всех синдикатов. Все помещения ФОРА и редакции "Ла Протеста" были закрыты. Арестованы были и лидеры ФОРА-IX. Тем не менее, стачка была объявлена, и после двух дней руководство синдикалистов вынуждено было под давлением рядовых рабочих присоединиться к ней. Она продолжалась до 6 июня. Ход выступления и поведение синдикалистов принесли "так много горьких разочарований, что должны пройти годы, прежде чем ФОРА может решиться на то, чтобы еще раз обсуждать и согласовать проведение совместных акций с другими организациями", - констатировали аргентинские рабочие анархисты в отчете II конгрессу анархо-синдикалистского Интернационала (36). Большинство членов ФОРА испытали глубокое разочарование в идеях "единого фронта" пролетариата. Сторонники объединения попытались еще издавать газету "Эль Трабахо", но она прекратила выходить спустя всего несколько недель (37). Сторонники "Ла Протеста" с июня 1921 г. начали кампанию против "анархо-большевиков".

Сочетание внешних и внутренних факторов, информация о реальном положении дел в Советской России, попытки большевиков подчинить синдикалистские профсоюзы компартиям, ширящееся в рядах ФОРА недовольство результатами сотрудничества с ФОРА-IX и самовольными действиями и заявлениями секретарей и делегата на конгрессе Профинтерна привели к тому, что 20 августа 1921 г. была созвана конференция Федерации, которая резко осудила деятельность избранных представителей организации. Участники официально отвергли приглашение вступить в комитет по объединению и отмежевались от решений об участии Коммунистической ФОРА в Профинтерне. Был избран новый состав Федерального совета. По поручению конференции, Федеральный совет распространил соответствующее заявление. В нем говорилось, что в организацию "на ответственные места пришли элементы, которые под большевистским влиянием действовали вопреки четко изложенным принципам нашей организации". Совет обвинил бывших членов Секретариата ФОРА Хулио Р. Баркоса, Немесио Каналеса, Хесуса М. Суареса (Фернандо Гонсало), Алехандро Альбу (Сильветти), Энрике Гарсиа Томаса, Антонио Гонсальвеса и Себастьяна Феррера в злоупотреблении своим положением с целью "поддержки устремлений, диаметрально противоположным принципам нашей организации". Указанные лица были исключены из ФОРА. В ходе опроса из 139 синдикатов лишь 26 высказались против

циркуляра, в котором излагались решения конференции. 110 повторили, что любое единство возможно лишь при условии признания коммунистического анархизма (38).

В августе издания "Ла Протеста", "Трибуна обрера", "Ла Анторча" (Т. Антили), "Идеас", издательство "Ла Аргонаута", Лига рационалистического образования, Аргентинский анархистский коммунистический союз и Коммунистическая ФОРА выступили с совместным манифестом "Об удушении анархистской пропаганды в России". С сентября 1921 г. тон критики в адрес большевиков и Советской России становится еще жестче: "диктатура пролетариата" определяется как новая государственная власть и, следовательно, – отрицание свободы, а репрессии против анархистов оцениваются как проявление и следствие марксистской идеологии. Со страниц "Ла Протеста" аргентинские либертарианцы обвинили большевиков в обмане и предательстве. Ленин "поднял знамя Бакунина", чтобы поднять трудовой народ на революцию, говорилось в еженедельном приложении к газете от 27 февраля 1922 г., поскольку "русский народ склонялся к формам жизни без правительства"; однако затем партия узурпировала власть и отняла все достижения, завоеванные "в первый либертарный период" борьбы. Страной управляет "новая каста, выросшая из коммунистической партии", утверждалось в статье, опубликованной в приложении от 16 января 1922 г. (39)

Радикализм ФОРА был подкреплен событиями, разыгравшимися в 1921 г. в южном регионе Патагония. Там Рабочая федерация Рио-Гальегос возглавила борьбу против иностранных овцеводческих фирм в зоне Санта-Крус. Многие из рабочих были иммигрантами из Европы и Чили. Пеоны требовали предоставления нормальных жилищных условий и гигиены, выделения помещений под рабочие собрания, регулярной выплаты зарплаты в аргентинской валюте и т.д. В ходе всеобщей забастовки в районе в конце 1920 – начале 1921 г. работникам удалось заручиться поддержкой со стороны подполковника Э. Варелы, командира армейской части, направленной из столицы, он заставил стороны сесть за стол переговоров и достичь соглашения. Рабочие прекратили забастовку, но 3 тысячи бастовавших разбили лагерь, которые превратились в вооруженные коммуны со своими собственными законами; все решения принимались на народных ассамблеях. Однако помещики, нарушив соглашение, отказались выплатить долги по зарплате, и противостояние возобновилось. Когда в октябре полиция арестовала и выслала активистов рабочего союза, вновь разгорелась забастовка. Организованные группы пеонов ходили от поместья к поместью, призывали трудящихся объединиться, конфисковали продовольствие, перерезали телефонные линии и занимали целые населенные пункты. В ноябре власти вернули в район военные части. Правительственные силы численностью 10 полков включали кавалерию и военные суда, обстрелявшие один из городов, захваченных рабочими. Не обнаружив взбунтовавшихся пеонов в населенных пунктах, войска стали охотиться на них в открытом поле, как на диких зверей. В Пунта-Альта они окружили бунтарей и расстреляли их издалека. В Анита потребовали, чтобы те сложили оружие, после чего расстреляли 250 человек, отказавшихся выдать "зачинщиков". Других раздевали догола, привязывали на ночь колючей проволокой, а затем обливали горючим и сжигали живьем. Власти и помещики обвинили работников в "бандитизме", и им пришлось защищаться с помощью примитивного оружия. Под станцией Тэуэльче они вступили в бой с войсками. На одноименном предприятии владелец распорядился расстрелять 27 рабочих – по одному за каждую из потерянных им лошадей.

В конце концов трудящиеся вынуждены были сдаться. 7 декабря 1921 г. стачечная комиссия сообщила полковнику Вареле: "В нашей власти находятся 80 пленных, 3 тысячи лошадей, 450 единиц длинноствольного, 300 единиц короткоствольного оружия, 15 тысяч патронов для длинноствольного и 3 тысячи для короткоствольного оружия; все, что находится в нашем распоряжении, мы готовы передать армии в обмен на достаточную гарантию сохранения наших жизней". Но это не положило конец расправам. Всего в ходе стачки погибло 1500 рабочих, включая 600 чилийцев и 300 испанцев (40).

Характерно, что делегат, направленный в Санта-Крус ФОРА-IX, выступил с критикой акций рабочих Юга и поддержал губернатора провинции, назначенного президентом-радикалом И. Иригойеном. Напротив, делегат ФОРА, член общества сопротивления строителей и корреспондент "Ла Протеста", тайно проник в зону, был схвачен военными и расстрелян (41).

Размежевание с "анархо-большевиками" и разрыв с ФОРА-IX означали, что ФОРА заняла непримиримую линию в отношении Москвы. Осенью 1922 г. она самым решительным образом отклонила приглашение руководства Профинтерна принять участие в работе его конгресса в Москве, как **"особенно кровавую иронию"**. **"Наша федерация, - говорилось в ответном послании Федерального совета, - не имеет никаких контактов с этим Интернационалом и не выказывала в отношении его никакой симпатии"**. Подтвердив, что ФОРА дезавуирует действия Том Баркера в качестве своего делегата на конгрессе Профинтерна в 1921 г., совет выразил **"революционную верность всем угнетенным, включая нынешних рабов в большевистской России"**, и твердую решимость разорвать **"недостойную связь с предателями и заговорщиками"**, которые **"обезглавили русскую революцию"**, заменив ее **"отвратительной диктатурой пролетариата"** и **"беспримерным абсолютизмом нынешнего марксистского государства"**. Профинтерн воспринимался аргентинскими анархистами как **"рабский инструмент коммунистической партии, которая властвует над несчастным российским народом и чья главная цель - восстановить инквизицию и убить все анархистское движение"**.

Ответ ФОРА был выдержан в тоне резкой отповеди: **"... Вы нас с кем-то спутали. Наша позиция абсолютно противоположна вашему Интернационалу и тем более тому преступному делу, которое творится институтами российского государственного механизма и направлено против всех тех, кто не принимает причастия в соответствии с темной религией, чей основной источник - в священном культе, почитаемом большевистской сектой и направленном, в первую очередь, против анархистов"**. Аргентинские рабочие анархисты обвинили большевизм и Профинтерн в том, что те **"расставляют ловушки трудящимся, вносят смуту в пролетариат, сеют хаос и ведут борьбу иным, еще более отвратительным оружием"**. ФОРА выражала протест против репрессий в отношении анархистов в России, в том числе русского анархо-синдикалиста Александра Шапиро (42).

16 октября 1922 г. представители рабочих союзов ФОРА собрались на конференцию с тем, чтобы выработать мандат для делегатов, посылаемых на Учредительный конгресс революционно-синдикалистского Интернационала в Берлине. В принятом заявлении содержалась резкая критика в адрес большевистского Профинтерна. ФОРА утверждала, что

в нем нет ни одной организации, которая могла бы войти в революционный рабочий Интернационал, более того, им "там нечего делать". В создании подлинного Интернационала, по мнению аргентинских рабочих анархистов, могли участвовать только те организации, которые "окончательно порвали с Красным Интернационалом профсоюзов и заняли ясную революционную позицию". Создаваемое международное объединение должно было противостоять как Московскому, так и Амстердамскому профсоюзным Интернационалам и способствовать пониманию трудящимися мира их реакционной роли. В заявлении вновь подчеркивалось, что ФОРА – открытый противник любого "единого фронта ценой уступок". Делегатам поручалось не искать "основу, на которой все революционно-синдикалистские силы могли бы объединиться в одном организме", а предпринять шаги по созданию нового Интернационала, обращая основное внимание не на количество участников, а на "ясность революционных принципов" (43).

В свою очередь, сторонники социал-демократов, коммунистов и изгнанные из ФОРА образовали новую объединенную профсоюзную организацию – Аргентинский синдикальный союз (УСА); в его руководстве оказались многие из "анархо-большевиков", а также приверженцев группы "Ла Анторча", которые, как сообщал провинциальный союз профсоюзов Кордовы в Профинтерн, откалывали "от ФОРА все профсоюзы", находившиеся под их влиянием (44). Учредительный конгресс УСА состоялся 6–13 марта 1922 в Буэнос-Айресе. В союз вошли ФОРА–IX, большая часть независимых профсоюзов и некоторые союзы, входившие ранее в ФОРА, но заявившие о своей несогласии с ее курсом, враждебным "единству рабочих сил" (45). Организация официально не присоединилась к Профинтерну, выступая за проведение международного конгресса по объединению рабочего движения. Однако в первый период ее существования в пользу членства в московском Интернационале высказывались не только коммунисты, но и многие анархисты, включая большинство групп "Либертарного альянса" (46). Внутри УСА существовали различные тенденции. Синдикалисты и анархисты-противники ФОРА имели большинство в руководстве УСА в целом, руководили профсоюзами портовиков, металлистов, рабочих гаражей и авторемонтных мастерских, маляров. Социалисты и реформисты (до выхода из УСА в 1926 г.) пользовались влиянием в объединениях железнодорожников, союзах муниципальных работников, деревообделочников, печатников. Коммунисты же стали самой крупной "сплоченной тенденцией" в УСА. Они удерживали большинство в крупных профсоюзах металлистов и портных, во множестве мелких союзов (47).

Отношения между ФОРА и УСА были натянутыми; дело доходило до физических столкновений. Так, в сентябре 1923 г. в Вилья-Ласа (провинция Буэнос-Айрес) в ходе рабочего собрания в одной из таких стычек погибли 2 человека (48).

Отныне пути анархистов из ФОРА и промосковских коммунистов разошлись навсегда. ФОРА, отказавшись от приставки "коммунистическая" и сняв со своей эмблемы серп и молот, но сохранив приверженность анархистскому коммунизму, пошла своим путем. В 1920-х гг. ее теоретики расширили и углубили критику марксизма, с его линейной философией истории и идеей прогрессивности капиталистической индустриализации. Они выступили не только за ликвидацию государства и капитализма, но и за слом их основы – индустриальной формы организации производительных сил: фабричной системы с ее иерархией, централизации производства, отраслевой специализации и жесткого разделения труда (49). УСА, в котором

коммунисты окончательно взяли верх над "анархо-большевиками" и "чистыми синдикалистами", в 1930 г. влился в новый крупнейший профцентр – Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), ставшую после 1945 г. официальным профобъединением перонистского режима.

Примечание

- (1) Aladino B. La Asociación Internacional de los Trabajadores // Certamen Internacional de "La Protesta" en ocasión del 30 aniversario de su fundación. 1897 – 13 de junio – 1927. Buenos Aires, 1927. P.149, 150.
- (2) Калмыков Н.П. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С.387–388.
- (3) Oved I. El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina. Mexico, 1978; Yerril P., Rosser L. Revolutionary Unionism in Latin America: FORA in Argentina. London; Doncaster, 1987; Alexander R.J. History of organized labor in Argentina. Westport; London, 2003; Suriano J. Auge y caída del anarquismo. Argentina, 1880–1930. Buenos Aires, 2005; и др.
- (4) Rodrigues E. Alvorada operária: os congressos operários no Brasil. Rio de Janeiro, 1979.
- (5) Mantero Alvarez R. Historia del movimiento sindical uruguayo. Montevideo, 2003.
- (6) Solar F. del, Pérez A. Anarquistas. Presencia libertaria en Chile. Santiago de Chile, 2008.
- (7) Hirsch S.J. Peruvian anarcho-syndicalism: adapting transnational influences and forging counterhegemonic practices, 1905–1930 // Anarchism and syndicalism in the colonial and postcolonial world, 1870–1940: the praxis of national liberation, internationalism, and social revolution. Leiden, 2010. P.227–271.
- (8) Rodríguez García H. La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano (1912–1965). Buenos Aires, 2010; Родригес Гарсиа У. Анархизм в боливийских Андах в первой половине XX века // Латиноамериканский исторический альманах. 2014. №14. С.246–265.
- (9) Duarte C. El sindicalismo libre en Paraguay. Asunción, 1987.
- (10) Páez A. El Anarquismo en el Ecuador. Quito, 1986.
- (11) Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. Tomo 1. Buenos Aires, 1987. P.13.
- (12) López Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925. P.7–8.
- (13) Ibid. P.65.

(14) Abad de Santillan D. La F.O.R.A.: ideología y trayectoria del movimiento obrero revolucionario en la Argentina. Buenos Aires, 1971. P.242.

(15) Цит.по: Pittaluga R. De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina, 1917-1924) // Sociohistórica. 2002. No.11-12. P.73-75.

(16) Цит.по: Ibid. P.77.

(17) Yerril P., Rosser L. Revolutionary Unionism... P.26-27; Colombo E. La FORA. Le "finalisme" révolutionnaire // De l'histoire du mouvement ouvrier révolutionnaire. Actes du colloque international "Pour un autre future". Paris, 2001. P.120-123. Подробнее о "Трагической неделе" см.: Bilsky E. La Semana trágica. Buenos Aires, 1986.

(18) РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.185.

(19) Там же. Л.183.

(20) См.: Antilli T. Comunismo y anarquía. Toda la tendencia humana es al comunismo y la anarquía (1919). Buenos Aires, 2014.

(21) Pittaluga R. De profetas... P.80.

(22) РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.185-186.

(23) Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina" - "Regionale Arbeiterföderation Argentinien" zum zweiten Kongreß der "Internationalen Arbeiter-Assoziation" (I.A.A.) // Die Internationale. 1925. Nr.5. Juni. S.99-101.

(24) Ibidem; Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. Tomo 1. P.124-125.

(25) См. тексты резолюций конгресса: "Relaciones Internacionales", "La Internacional", "Gira y Congreso de Sud America", "Relaciones Regionales": Lopez A. La FORA...Tomo 1. P.123, 124.

(26) См. текст резолюции конгресса "La fusión": Ibid. P.122-123.

(27) См. текст резолюции "Entente proletaria": Ibid. P.123-124.

(28) Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina"... S.102-103.

(29) Ibid. S.104.

(30) См.: Burgmann V. Revolutionary Industrial Unionism: The Industrial Workers of the World in Australia. Cambridge; New York; Melbourne, 1995. P.71, 271.

(31) Thorpe W. "The Workers Themselves": Revolutionary Syndicalism and International Labour, 1913-1923. Dordrecht; Boston; London, 1989. P.154.

(32) Instrucciones del Consejo Federal de la FORA a Tom Barker, delegado al Congreso Constituyente de la Internacional Sindical Roja – Moscú – 1920 // Lopez A. La FORA...Т.2. P.161–162.

(33) Thorpe W. "The Workers Themselves"... P.195.

(34) См.: Rocker R., Goldman E., Berkman A., Kropotkin P. ¿Soviet o dictadura? Buenos Aires, 1920/1921; Souchy A. Viaje a la Ucraina revolucionaria. Buenos Aires, 1921; Rocker R. Bolchevismo y anarquismo. Buenos Aires, 1922; др.

(35) См., например: Руденко П. На Украине. Повстанчество и анархическое движение. Буэнос-Айрес, 1922. Ряд материалов русских анархистов был переведен на испанский язык: Nabat. Primera Conferencia de las Organizaciones Anarquistas en Ucrania. Buenos Aires, 1922; Gorelik A. Los anarquistas en la revolución rusa. Buenos Aires, 1922.

(36) Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina"... S.102–103.

(37) Ibid. S.103–104.

(38) См.: Ibid. S.104. Текст резолюции см.: Descalificación // Lopez A. La FORA...Т.1. P.127.

(39) Цит. по: Pittaluga R. De profetas... P.90–91.

(40) См.: Fiorito S. Las Huelgas de Santa Cruz (1921–1922). Buenos Aires, 1985 (цитата: P.38). См. также: Bayer O. Los Vengadores de la Patagonia trágica. Vol.1–4. Buenos Aires; Frankfurt a.M., 1972–1974; 1979; Усмирение Патагонии. Буэнос-Айрес: Издание Рабочей издательской группы в Аргентине, 1923; и др. Организатор расправы над рабочими Варела был убит анархистом Куртом Вилькенсом 25 января 1923 г.

(41) Colombo E. La FORA... P.123–124.

(42) РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.7–8.

(43) Der Syndikalist. 1923. Nr.7. Beilage.

(44) РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Л.183.

(45) Там же. Лл.4–6.

(46) Там же. Лл.242, 66.

(47) Там же. Лл.109–111, 127, 134–138.

(48) Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina"... S.110.

(49) См., например: López Arango E. Doctrina y tactica // Certamen internacional de "La Protesta"... P.91–99; Idem. La oposición al marxismo en el movimiento obrero // Idem. Sindicalismo

у anarquismo + otros artículos. Buenos Aires, 1975. P.7-13. Подробнее о взглядах аргентинских рабочих анархистов 1920-х гг. и их критике марксизма см.: Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.1. М., 2006. С.623-626; Его же. История анархо-синдикализма. Краткий очерк. М., 2010. С.84-90; Его же. Идеи Кропоткина и международное анархистское движение в 1920-1930-х гг. // Петр Алексеевич Кропоткин. М., 2012. С.266-299.

Опубликовано: Левая альтернатива в Латинской Америке. М.: Аквилон; ИВИ РАН, 2016. С.80-99

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 15 августа 2025 23:52:30

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 15 августа 2025 23:57:23